

Порошин Семен Андреевич

**Записки служащие к истории его
императорского высочества
благочестного государя цесаревича
и великого князя Павла
Петровича наследника престолу
Российского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С30

С30 **Семен Андреевич П.**
Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского / Порошин Семен Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 586 с.

ISBN 978-5-519-79172-4

ISBN 978-5-519-79172-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Videtur ars artium, et scientia scientiarum hominem regere, animal tam varium et multiplex.

S. Greger. Nazianz.

Въ государствѣ самодержавномъ , воспитаніе Государя есть первый, коренной законъ. Побужденіе пещись о воспитаніи дѣтей — нѣжная, родительская къ нимъ привязанность и желаніе имъ добра, ихъ природная даровитость, невольно вызывающая на образованіе ихъ, милосердіе къ сиротству, долгъ старшаго поколѣнія папутьствовать младшему на путяхъ жизни и проч. всѣ эти побужденія, столь сильныя и святыя сами по себѣ, кажутся почти слабыми въ сравненіи съ обязанностию — образовать Государя.

Правда, всѣ равны въ колыбели, равны и немощью младенчества и удѣломъ младенца въ грядущемъ; грядущее для всѣхъ покрыто неизвѣстностью. Придетъ пора: рожденный въ низкой долѣ вознесется, быть можетъ, выше всѣхъ надъ людьми, будетъ ихъ гениемъ-благодѣтелемъ и царемъ зиждительной мысли; *можетъ быть*, его вліянію покорятся народы... Но Государю они покорны уже, потому что онъ Государь ихъ, и въ колыбели ихъ будущій Вънценосецъ: вотъ различіе. Рука Провидѣнія поставила его на той высотѣ, куда другіе досягаютъ иногда лишь рѣдкимъ счастіемъ и отменными дарованіями: дарованія и заслуги, необходимыя имъ для того, чтобъ возвыситься на чреду сію, необходимы Государю для того, чтобъ пребыть на ней до конца съ честію и достоинствомъ. Все должно быть къ тому направлено. Природа и Искусство должны соединиться, да содѣлаютъ его здоровымъ, цѣлымъ и правоправляющимъ. И когда вспомнимъ о величіи послѣдствій для всего народа, (какъ знать?) для цѣлаго свѣта, отъ добрыхъ свойствъ и дѣлъ его, отъ благихъ обычаевъ и самыхъ его намѣреній; когда подумаемъ, что власть его паложитъ печать свою и на грядущіе вѣки, обыметъ собою пространства необозримыя, и солнце не зайдетъ въ предѣлахъ его; тогда невольно убѣждаемся въ необходимости все устроить ко благу его и всѣхъ тѣхъ, кто будутъ ему подвластны; словомъ, воспитать его въ страхъ Божіемъ и въ любви къ человѣчеству.

Есть всему свое время: «ловите часъ!» говоритъ Гораций. Всему свой конецъ и начало. Когда и какъ зараждается въ насъ мысль, и страсть, и предубѣжденіе, мы не знаемъ. Но *Aurora Musis amica*. Дѣтство,

молодость — явленія нерукотворенныя въ жизни чело-
вѣка, таинственно-благодатныя, невозвратныя, какъ
крылатый мигъ. Начало жизни, — все начинается тог-
да: нескладный лепетъ, утѣхи и слезы знаменуютъ въ
насъ будущія рѣчи наши и дѣла, прообразуютъ въ Го-
сударь миръ и войну, законы и учрежденія гражданскія,
подъ сѣнію которыхъ упокоятся миллионы людей, проль-
ются на землю благословенія, или кровь и горькія слезы...

«Невниманіе твое, Государь,» писалъ Боссюэтъ
къ Дофинну, «нынѣ причиною того, что ты сбиваешься
иногда въ словахъ; но если дадимъ усиливаться и за-
маторѣть дурной привычкѣ, то со временемъ, когда
«будешь властенъ въ дѣлахъ своихъ, ты запутаешь и
«дѣла. Ты погрѣшаешь нынѣ противъ условныхъ пра-
«вилъ языка; тогда преступишь законы самаго разума.
«Нынѣ ошибаешься въ разиѣщеніи словъ; въ то время не-
«стройны будутъ всѣ начинанія твои: карать будешь тѣхъ,
«кого наградить должно, и награждать того, кто достоинъ
«казни. Словомъ, ни въ чемъ не будетъ тебѣ благода-
«сти, ежели съ дѣтства не приобыкнешь во вниманіи
«соблюдать умъ свой, управлять неясными его поры-
«свами, и въ самомъ себѣ помышлять о томъ, что
«должно сдѣлать или предпринять *).» Такъ важно
въ послѣдствіи, для цѣлой жизни, все, что проис-
«ходитъ въ юнѣшномъ возрастѣ! особенно важно въ
«томъ, чье каждое слово будетъ дѣломъ, а безмол-
«віе подѣ-часъ приговоромъ. Невниманіе — легкій по-
«видимому недостатокъ; но въ вождѣ народа можетъ

*) ...attendere animum, motus ejus vagos atque incompósitos cohibere,
rerumque agendarum sedulò tecum ipso inire rationem. (Serenissimo
Delphino).

быть виною многихъ золъ и страданій незаслуженныхъ. *Равнодушіе* къ нуждѣ и немощи нашихъ ближнихъ, *невниманіе* къ ихъ правамъ, — вотъ что по бѣльшей части дѣлаетъ насъ несправедливыми въ отношеніи къ нимъ, суровыми, неблагонадежными, а неполненіе обязанностей нашихъ тягостнымъ и постылымъ. О, сколь пагубны будутъ тѣ же свойства въ Государь! когда гласъ совѣсти не позволитъ ему сказать о себѣ: «Я спасалъ убогаго отъ руки сильнаго, и помогалъ сиротѣ безпомощному. Благословеніе погибающаго текло на меня, и благословеніе вдовицы. Я обличался въ правду, правосудіе было мнѣ одеждою. Слепому я былъ очами, и хромымъ опоромъ. Бѣднымъ — я былъ отцею, и викалъ въ дѣло человека мнѣ не знакомаго.» (Іовъ XXIX, 12 — 16).

Такимъ образомъ, нравственное единство лица, отъ колыбели до могилы, не подлежитъ сомнѣнію, и сѣмяна добра и зла, вначалѣ едва замѣтныя, растутъ въ насъ вмѣстѣ съ нами, и приносятъ плодъ въ свое время, когда все, что было слабымъ, безотчетнымъ движеніемъ души, является въ осязаемыхъ формахъ внѣшности. Самыя игры дѣтства обличаютъ нравъ, и переходятъ позже въ дѣйствительность. Нужно-ли доказывать это? Вы знаете край, читатель, гдѣ ратныя силы безъ числа изумляютъ свѣтъ не только множественно, но и строемъ неподражаемымъ, дѣлами храбрости исторической; неодолимая твердыня высится тамъ на широко-раздвинутыхъ концахъ державы; боевые спаряды, въ страшномъ количествѣ, сулятъ гибель дерзновенію; тамъ сильныя флоты пѣвять волны юга и сѣвера: все дышитъ мощію и грозою. Что-жь, было время, — вы сами знаете, и — недавно, когда все это

включалось въ сотни потѣшныхъ, да въ изломанной ладѣ; а еще прежде и того не было: была лишь игривая мечта въ душѣ семилѣтняго отрока.

Если же все сказанное нами справедливо, если таково вліяніе дѣтства на будущее, то здравый смыслъ велитъ, для блага общаго, — быть на стражѣ первыхъ впечатлѣній юнаго Государя, управлять ими исподволь, наводить на доброе, и водворять гармонію въ чувствахъ и стремленіяхъ воли, умѣряя бойкость кротостію, вѣдливость бодростію, суетность сознаніемъ высшей цѣли: все это заблаговременно, когда душа, въ успеніи страстей, еще сохраняетъ всю цѣлость свою и восприимчивость, и спасительные уроки, какъ сѣмя сѣятеля, падаютъ на добрую землю.

Нѣкоторые сомнѣваются въ могущество воспитанія: много страницъ написано о томъ, можетъ-ли воспитаніе сдѣлать насъ лучшими. Фаталисты въ этомъ отношеніи полагаютъ, что все дѣлается само собою. «Нельзя придать ума слабоумному, говорятъ они, а кто «родился умепъ, тотъ и безъ насъ будетъ умепъ и хорошъ. Въ Спартѣ, слабыхъ и уродливыхъ дѣтей лишали жизни.» По этому можно сказать, что тамъ сомнѣвались въ самой природѣ, которая такъ перѣдко, съ помощію времени, исправляетъ самоѣ себя, и слабыхъ дѣлаетъ сильными, въ томъ или другомъ отношеніи. Но ей-ли одной должно «дать книги въ руки,» все предоставить, — вотъ вопросъ.

Замѣтимъ только, что ни въ какомъ случаѣ природа не является намъ одна, въ неизмѣненномъ своемъ видѣ: гдѣ бы мы ни были, въ самомъ глухомъ селеніи,

мы живемъ съ людьми; следовательно, общество нѣмѣетъ насъ по своему, и воспитываетъ, потому что воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ слова, есть всякое вліяніе людей на насъ, въ хорошую или худую сторону. Въ этомъ смыслѣ всякой воспитанъ какъ-нибудь; время вырастило его, а то, что довелось ему случайно видѣть, слышать, испытать — воспитало: гдѣ-жъ природа? Настоящее воспитаніе есть то же вліяніе, но заботливо очищенное отъ случайности, проникнутое сознаниемъ цѣли, согласное съ идеями и лучшими преданіями человѣчества: оно должно защитить насъ отъ зла, и развить сѣмяна добра. И такъ, не нужно, кажется, доказывать, что сомнѣнія въ необходимости воспитанія падаютъ не столько на самое воспитаніе, сколько на ту или другую систему его, и имѣютъ дѣлію замѣнить худшую другою, лучшею, а лучшая та, которая наиболѣе согласуется съ откровеніями природы. Въ этомъ смыслѣ, тѣ сомнѣнія благотворны и ведутъ къ двумъ важнымъ заключеніямъ.

1. Искусство *не должно* выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ ему природою, а должно только примѣняться къ ней, ее исправляя, и развивая ее, а не прививать ей чуждое. Не все должно быть искусственно, и условныя отношенія свѣта, личина званія, именитости, личина притворныхъ доблестей да исчезнуть предъ великимъ дѣломъ воспитанія. Богъ создалъ человѣка, люди сдѣлали остальное: воспитайте человѣка, все прочее найдетъ само собою. «Имущему дастся» гласитъ Писаніе.

2. Искусство не всемогуще, и въ предѣлахъ ему назначенныхъ не все отъ него зависитъ: оно *не можетъ* поручиться за вѣрный успѣхъ. Оно имѣетъ предъ собою природу, за собою свѣтъ, т. е. тѣ случаи и приключенія, откуда

черпается опытъ жизни. Природа, не всегда правая, и лукавый свѣтъ дѣйствуютъ совместно съ воспитаніемъ, но въ разныя стороны. Отсюда трудности преодолимыя: съется доброе, выходитъ иное. Притомъ же судьба играетъ замыслами людей, и обращаетъ въ ничто наилучше обдуманнаго начинанія. Воспитанникъ Фенедона, свѣтлая надежда Франціи, похищенъ смертію почти въ то самое время, когда ему предстояло явить міру свои доблести, плодъ прекраснаго воспитанія, и можетъ быть спасти отечество отъ страшной тревоги; иногда смерть воспитателя незапно прерываетъ начатое; иногда бываетъ и то: когда желанная цѣль достигнута, и воспитаніе окончано, тогда именно обстоятельства, невольное, слишкомъ долгое бездѣйствіе разстрониваютъ гармонію, о которой заботилось воспитаніе; силы души уруго сжимаются, вскипаютъ пылкія страсти, лучшія обитованія юности извѣтствуютъ. Цесарь Іосифъ II, Государь просвѣщенный и благонамѣренный, былъ нетерпимъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, потому что былъ нетерпимъ, а нетерпиміе его было слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ провелъ онъ четыре-пятихъ своей жизни: онъ родился въ 1741, вступилъ на престолъ въ 1780 году. Впрочемъ, если воспитаніе имѣетъ свои тернія, то и розы разцвѣтаютъ иногда на нихъ его. Попеченія Аристотеля не мало участвовали въ прозваніи *Великаго*, которымъ Исторія украсила его нитомца, охотно признававшаго это съ своей стороны. Другой философъ, Стоикъ по ученію, Пнеагореецъ въ душѣ, и втайнѣ, какъ кажется, Христіанинъ, Сенека воспиталъ — Перона. Такъ; но Перонъ былъ добродѣтелемъ: пять лѣтъ на престолѣ онъ сіялъ великодушіемъ и кротостію. «Какъ желалъ бы я не

умѣть писать!» сказалъ онъ съ умиленіемъ, подписывая впервые смертный приговоръ. Эти слова и пять лѣтъ добра конечно дѣлають честь тому, кто выучилъ его писать. Изреченіе Платона: «для счастья народовъ надобно, чтобъ Государи были философами или философы Государями» требуетъ очевидно слишкомъ много; но, по крайней мѣрѣ, воспитатели Государей должны бѣить въ самомъ дѣлѣ философы.

Показавъ выше, какъ важно для всѣхъ воспитаніе Государя, скажемъ нѣчто и объ особенной его трудности.

Воспитаніе дается намъ высшими, равными и низшими. Въ обращеніи съ ними, почерпаемъ мы тѣ начала нравственности и благоразумія, которыя даютъ особый характеръ каждому изъ насъ. Для дитяти, высшіе — его родители, или тѣ, которые заступаютъ ему мѣсто родителей; равные — сверстники, дѣти однихъ или близкихъ съ нимъ лѣтъ; низшіе, — позвольте, кого назовемъ здѣсь низшими? Покуда, одни природныя различія возраста могутъ имѣть значеніе въ отношеніи къ нему, а кто же меньше ребенка? Или вы скажете ему, что слуга его, тотъ старичокъ, который недавно еще водилъ его на помочахъ, — ниже его, его низшій, когда все убѣждаетъ его въ противномъ? Боже васъ сохрани! нѣтъ, вы бросили-бъ въ него сами первыя сѣмяна порчи и растлѣнія... Однако же правда, что и для него есть, въ царствѣ жизни и разума, приличная ему область, гдѣ онъ вмѣстѣ и повинуетъ и господствуетъ, а научаясь тому и другому, образуется. Нужды, съ которыми онъ родился въ свѣтъ, служатъ съ одной стороны наитѣнникомъ его воли, съ другой звеномъ, связующимъ его съ міромъ.

нѣшнихъ. «Руки, ноги, и глаза: вотъ наши перыю учителя Философiи!» поваритъ Руссо. Скажемъ еще, что нужда есть наставница этихъ учителей. Нужда дѣлаетъ зоркимъ, предприимчивымъ, ко всему способнымъ, сообщаетъ намъ много полезныхъ качествъ. Нужды «наши власти», по ученiю Эпикура; но онѣ должны быть намъ подвластны, однимъ изъ средствъ нашего воспитанiя, не только въ дѣтствѣ, но и въ теченiе цѣлой жизни, по правилу «вѣкъ живи, вѣкъ учись.» Это средство нравственнаго развитiя путемъ практическимъ гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе въ бѣдномъ состоянiи, нежели въ богатомъ, а для Государя — оно вовсе не существуетъ, потому что нужда ему не знакома. И отъ того ему легче заслужить себѣ имя великаго, щедраго и могучаго, трудите соблюсти мѣру своихъ желанiй и взвѣсить иногда трудности ихъ исполненiя.

Общенiе съ равными есть также сильный рычагъ образованiя, необходимый, важнѣе всѣхъ прочихъ. Совѣты, увѣщанiя, наставленiя старшихъ принимаются слухомъ, сохраняются памятью, но также легко забываются. Дитя, воспитанное этою пищею, подобно харити, вписанной мудрыми словесами: оно будетъ умило и благоправно на-единѣ, безъ усилiя, безъ заслуги. Въ обществѣ равныхъ, дитя становится человекомъ. Этотъ маленькiй человекъ познаетъ на дѣлѣ всѣ страсти большихъ: чувства симпатiи и антипатiи, любовь и дружбу, зависть и ненависть. Онъ сознаетъ дѣйствiя воли своей на волю другихъ, и постигаетъ тайну общежитiя — взаимность. Однимъ словомъ, таиъ кругъ бытiя его и познанiя расширяется въ безконечность: онъ открываетъ новый мiръ, и беретъ его въ

свое владѣніе, научаясь искусству жить въ немъ и съ нимъ уживаться. Всякой легко пойметъ, какъ это искусство ему необходимо, для того чтобы позже дѣйствовать успѣшно на другихъ; но оно не менѣе важно и по возвратному дѣйствию своему на него, для собственнаго его развитія. Безъ того, скажемъ смело, воспитаніе было бы неполно и несовершенно. Діодоръ новѣствуетъ, что царь Египетскій, отецъ великаго Сесостриса, велѣлъ воспитать вмѣстѣ съ сыномъ всѣхъ (до двухъ тысячъ младенцевъ), родившихся въ тотъ самый день, когда онъ родился, желая доставить ему такіе образцы вѣрныхъ друзей и товарищей; и въ самомъ дѣлѣ, Сесострисъ, прійдя въ возрастъ, нашелъ себя въ нихъ сподвижниковъ славы, трудовъ и великихъ дѣлъ. Пріи́тъ единственный, если не мечта Исторіи. Тутъ виденъ Востокъ во всей его силѣ: случай, жребій, часъ рожденія назначаетъ друзей Государю и вождямъ народу; родись часомъ позже, — и ты не другъ: это похоже на сказку. И однакоже, что лучше жребія? Выборъ? Онъ исполненъ ирака и преткновенія: выборъ нѣкоторыхъ изъ среды народа и во главу ему; выборъ дѣтей для такихъ судебъ, дѣтей, въ которыхъ все загадочно, все измѣняется безпрестанно, и не по днямъ, а по часамъ! Страсти участвующихъ довершаютъ затѣвѣ. Короче сказать, еслибъ не было важныхъ неудобствъ въ подобномъ выборѣ, то не искали бы мы за предѣлами государства единственнаго друга, супруга своему Повелителю. И такъ, онъ не можетъ имѣть себя равныхъ въ своей державѣ; онъ вырастаетъ одинокомъ, и ежели иногда обращается съ дѣтьми своихъ лѣтъ, то не иначе какъ на правилахъ строгаго этикета. Такъ и быть должно.